

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Когда я читаю „Мѣщанъ“ М. Горькаго, мнѣ всегда приходитъ въ голову:

— Какъ жаль, что этотъ талантливый писатель не знаетъ деревни.

Общерусскій мотивъ—отцы и дѣти—и тамъ проявляется все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ жизнью.

Отцы съ удивленіемъ смотрятъ, какъ дѣти стремятся куда-то, хотятъ создать какую-то новую, другую жизнь.

Отцамъ стремленіе дѣтей кажется чуть не преступнымъ и всегда безнравственнымъ.

Никто еще не нарисовалъ яркой картины этой деревенской семейной драмы.

Старики живутъ въ прежнемъ воззрѣніи, что все окружающее, сама жизнь, счастье, богатство, достатокъ—все это нѣчто стихійное, отъ людей независащее. Это то, что можно отъ жизни выпросить, вымолить.

Если нѣтъ счастья, достатка—надо покоряться.

— Воля Божья!

Иначе смотреть молодежь. Она думаетъ, что счастье можно взять собственными руками, можно его добиться, заработать.

Молодежь не примиряется съ безотраднымъ взглядомъ стариковъ на сущность земного существованія, съ пассивной покорностью судьбѣ.

Конечно, въ крестьянской семьѣ много и такихъ, какъ Петръ въ „Мѣщанахъ“—нытиковъ, слабосильныхъ, удрученныхъ окружающимъ, но не могущихъ и пальцемъ пошевелить, чтобы измѣнить это окружающее къ лучшему.

Но много и Ниловъ, жизнерадостныхъ, бодрыхъ, надѣющихся только на самихъ себя.

Я далекъ отъ того, чтобы даже въ общихъ чертахъ передать все разнообразіе отношеній между старой и молодой деревней.

Попробую выдѣлить только одинъ современный мотивъ.

Онъ созданъ преимущественно на экономической почвѣ.

Вообразите себѣ семью. Старые родители и сыновья.

Старики всегда мечтаютъ о нераздѣльной родовой общинѣ.

Это мечты патриарха.

Я со старухой трудился въ потѣ лица и гари въ страду, не зналъ ни минуты отдыха и покоемъ, всегда нуждался въ рабочихъ рукахъ.

Патриархъ когда-то думалъ снять въ аренду земельку, даже купить ее въ рассрочку, да не десять рукъ у него, а двѣ. Гдѣ же справиться?

— Ежели бы сынки въ силѣ были, эхъ! и завели бы мы дѣла.

Дѣла или вѣрнѣе дѣло—побольше обрабатывать земли, побольше сѣять и собирать въ житницы.

Патриархъ твердъ въ своей земельной вѣрѣ и ее только и признаетъ. Весь кругъ понятій ограниченъ „землею“ и заботой о ней.

Все, что касается другихъ сторонъ деревенской жизни, все это—нѣчто стихійное, посылаемое небомъ, какъ дождь въ пору и время, или какъ засуха и градъ.

— Воля Божья!

Факты дѣйствительности не подлежатъ критикѣ, ихъ просто надо принимать какъ что-то лежащее внѣ воли человѣческой, хотя бы факты эти на глазахъ деревни и создавались людьми.

Самое большее погорланить на сходы и упрекнуть на ней такого же патриарха съ такимъ же кругомъ идей.

А люди неземельные—это тоже стихія, это лежащее внѣ земельныхъ понятій, это-либо благодѣтельный дождь, вызывающій благодарность, либо губительная засуха, заставляющая задуматься о тщетѣ человѣческаго существованія.

Но вотъ поднялись сыны, окрѣпли и любе старикамъ смотрѣтъ на мощныя, молодые лица.

— Теперь отдохнемъ, свои работники выросли. Есть кому работать, есть кого поучить.

Патриархъ собирается сдѣлаться изъ труженника начальникомъ и распорядителемъ трудо-

вой общины. Онъ будетъ учить молодежь, какъ заботиться о землѣ и какъ покоряться стихіямъ и умилоствлять ихъ.

И мать думаетъ ту же думу. Вотъ женятся сыны—и она, вѣчная труженица, превратится въ строгую свекровь—хозяйку дома и начальницу женской его половины. Она тоже будетъ отдыхать и только распорядиться и тоже будетъ учить уму-разуму молодыхъ бабъ.

Оба родителя жаждутъ передать своимъ всю житейскую премудрость, накопленную ими за долгіе годы деревенской и трудовой общественной страды.

Домъ у нихъ станетъ полная чаша, младшіе будутъ повиноваться старшимъ и съ гордостью будутъ старики прохаживаться по деревнѣ на зависть сосѣдямъ и громко проявлять свою родительскую власть.

— Эй, Степанъ, запрягай-ка, да Николку прихвати. Ступайте въ поле снопы возить.

— Ты что же, паскуда, корову нечисто де-ишь! Ишь дармоѣдку въ домъ взяли!

Конечно все, что ни сдѣлаютъ, что ни приобретутъ молодые, будетъ не ихъ работа, не ихъ собственность, а результаты распорядительности и ума патриарха. Его домъ, его поле, его усадьбы. Молодые только работники, исполнители.

Въ этой мечтѣ все полно идеаловъ крѣпостнаго права.

Патриархъ—помѣщикъ, сыновья и невестки—рабы.

Но современная жизнь врывается въ трудовую идиллію деревни.

Молодежь становится на ноги и рвется прочь отъ устоевъ земельной тяготы.

Иные отдѣляются. Это прямые потомки патриарховъ, мечтающіе о томъ же, о чемъ и отцы. Они только хотятъ трудиться около пашни самостоятельно. Но когда народятъ дѣтей, тоже будутъ рисовать себѣ картину родовой общины, съ начальникомъ—патриархомъ во главѣ.

Но бываетъ и иначе. Сыны проникаются мыслью, что гораздо легче и больше можно заработать на фабрикѣ, на службѣ въ городѣ, мелкой торговлей, какимъ-нибудь маленькимъ промысловымъ дѣломъ.

Ихъ тянетъ прочь отъ земли.

Тутъ начало роковой деревенской драмы.

Сынъ пока на землѣ, еще сохраняетъ представление о зависимости отъ семьи, но разъ онъ не отъ сельскаго хозяйства приобретаетъ и скоро и много, разъ это его собственное дѣло, имъ созданное, придуманное и разработанное, онъ совсѣмъ теряетъ связь съ роднымъ домомъ.

Какъ смотритъ патриархъ на это новшество? Въ немъ борются два начала: онъ видитъ, что сынъ отъ него уходитъ, что онъ занятъ дѣломъ, въ которомъ онъ, патриархъ, ничего не понимаетъ и не можетъ вліять престижемъ опытности стараго пахаря, но съ другой стороны старики сознаютъ, что сынъ умѣетъ зарабатывать гораздо больше и скорѣе.

Какъ привязать эту выгодную для крестьянскаго дома доходную статью—сына, умѣющаго зарабатывать на сторонѣ?

— Женить,—говоритъ старуха,—женить на своей деревенской.

Но сынъ не хочетъ брать изъ деревни, да и понятія у него уже другія—онъ не хочетъ отдавать молодую жену въ семейно-трудовую кабалу.

А сынъ видимо все отдаляется и отдаляется и мечтаетъ о собственномъ независимомъ дѣлѣ. Ему ужъ не прикажешь:

— Эй запрягай, Степанъ!

Онъ лучше отца знаетъ, когда и куда идти и что дѣлать. Даже въ самомъ хозяйствѣ сельскомъ у него иной загадъ. Сынъ не подчинится старымъ общиннымъ порядкамъ. Онъ и занялся бы пожалуй землей, но на своей деревенской на своемъ собственномъ хуторѣ. Хозяйство на безконечныхъ полоскахъ онъ критикуетъ и не вѣритъ въ него.

Сынъ уже не слушается отца—у нихъ разные взгляды: одинъ вѣренъ стихійнымъ понятіямъ, другой—надѣется лишь на собственный умъ и личную энергію. Одинъ привыкъ покоряться, другой хочетъ самъ сдѣлать жизнь.

И вотъ начало драмы.

У Горькаго Безсѣменовъ говоритъ:

— „Всѣ куда-то уходятъ... безъ всякаго объясненія намѣреній . . . зря . . . обидно и безутино. Куда ты можешь идти, Петръ? Ты . . . Что ты такое? Какъ ты хочешь жить? Что дѣлать? . . . Я имѣю право спрашивать. . . ты—мелодь, ты еще—глушь! Я пятьдесятъ восемь лѣтъ растягивалъ жилы мои въ трудахъ ради дѣтей . . . “

Но деревенскій Безсѣменовъ не останавливается на однихъ монологахъ, онъ не ограничивается одними словами. Вернуть сына и держать его при себѣ онъ всегда можетъ.

Для этого въ рукахъ его два орудія: паспортъ, котораго не выдадутъ безъ согласія отца, и виушеніе.

— Господа волостные судьи! сыновъ балуется, поучите!

И сыну не даютъ паспорта и отечески учатъ въ волостномъ..

Нѣтъ, здѣсь драма кончается иначе, чѣмъ въ „Мѣщанахъ“ Горькаго

Недавно слышались мнѣ отзвуки этой разни отцовъ и дѣтей въ засѣданіи чернскаго уѣзднаго комитета. Печальной извѣстности г. Бодиско нашель, что всю сельско-хозяйственную нужду можно избыть мѣрами строгости, и призванные на засѣданіе мужичи изъ почтенныхъ старичковъ мѣры тѣ подтвердили.

— Надо озорниковъ нашихъ въ ежевыхъ держать. Это справедливо.

Сергѣй Соломинъ.